

18+

ИСАБЕК АШИМОВ

ТРАНСПЛАНТАЦИЯ ТЕЛА К ГОЛОВЕ

МЕТАФИЗИЧЕСКАЯ ВЕРТИКАЛЬ
ТРАНСПЛАНТАЦИОННОЙ ЭТИКИ

Исабек АШИМОВ

**Трансплантация тела к голове.
Метафизическая вертикаль
трансплантационной этики**

«Издательские решения»

Ашимов И.

Трансплантация тела к голове. Метафизическая вертикаль трансплантационной этики / И. Ашимов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-702329-0

Роман «Пересотворить человека» выступает в качестве фундаментального «первичного бульона», из которого впоследствии развились монументальная «Теория трансплантационной этики» (2021) и философская трилогия автора «Моральная философия» (2024). В переиздании автор предлагает не просто медицинский триллер, а глубокое философское исследование природы человеческого «Я», пределов идентичности и феномена «смены сознания». Речь идет о границах технологического вторжения в сакральные тайны человека.

ISBN 978-5-00-702329-0

© Ашимов И.
© Издательские решения

Содержание

Метафизическая вертикаль «Пересотворить человека» (Вместо предисловия к новому изданию)	6
Часть I	8
Пересотворить человека (Научно-фантастический роман)	8
К читателю	9
Пролог	11
Кто жив? Кто мертв?	14
Рождение дилеммы: кто где?	18
Поиск разгадки — кто где?	21
Размышления о пересадке головного мозга	23
Семинар по трансплантологии	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Трансплантация тела к голове Метафизическая вертикаль трансплантационной этики

Исабек Ашимов

© Исабек Ашимов, 2026

ISBN 978-5-0070-2329-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Метафизическая вертикаль «Пересотворить человека» (Вместо предисловия к новому изданию)

Данный труд знаменует собой глубоко осознанное, зрелое возвращение автора к истокам своего многолетнего интеллектуального странствия — к новой публикации научно-фантастического романа «Пересотворить человека», осуществляемой спустя более чем десятилетие после его первого выхода в свет под литературным псевдонимом Кара Дабан. Возникшее в 2012 году как самобытное «протофилософское» высказывание, это художественное произведение изначально преследовало масштабную цель, выходящую далеко за привычные рамки традиционной беллетристики или праздной игры воображения на интригующую тему пересадки головного мозга.

Автор рассматривает этот роман как первичный, мощный импульс, который позволил ему нащупать, сформулировать и поставить перед научным сообществом фундаментальные экзистенциальные вопросы о самой возможности радикальной трансформации человеческого существа соматическим путем. Именно на страницах этой работы автор впервые предпринимает дерзкую попытку художественного и философского моделирования смены человеческого сознания, то есть феномена полного переноса уникальной человеческой личности в совершенно новую соматическую оболочку.

Впоследствии эти пионерские идеи и интуитивные прозрения легли в прочный фундамент фундаментальной «Теории трансплантационной этики» (2021) и монументальной трилогии «Моральная философия» (2024), а также послужили основой для создания целого ряда специализированных научных монографий, таких как «Кто где? Я — это он или он — это я?» и сопутствующих трудов.

По сути, перед взыскательным читателем разворачивается целостная, впечатляющая история многолетнего восхождения авторской мысли: от первичных, интуитивных художественных образов к строгой, верифицируемой научной монографии и далее — к масштабным теоретическим построениям в области трансфера сознания и рассмотрения человеческого тела как сложнейшего, комплексного трансплантата, подчиненного головному мозгу.

В этой концептуальной системе координат роман «Пересотворить человека» по праву выступает в роли своеобразного «первичного бульона» смыслов, в недрах которого зародились и оформились ключевые идеи автора. Новое издание концептуально трансформирует этот первоначальный импульс, превращая его из локального литературного опыта в отправную точку масштабного междисциплинарного исследования.

Роман «Пересотворить человека» действительно стал тем благодатным интеллектуальным зерном, из которого со временем выросла целая многомерная ментальная вселенная. Если детально охарактеризовать ключевую мотивацию к переизданию данной книги, то здесь необходимо особо подчеркнуть непреходящую важность, прежде всего, феномена интеллектуальной преемственности.

Автору было принципиально важно наглядно продемонстрировать сложный эволюционный путь развития идеи — от её первоначального художественного вымысла до превращения в строгую, развернутую научную систему «Теории трансплантационной этики». Это напрямую связано с объективной необходимостью актуализации смысловых пластов произведения. Сегодня возникает очевидная, назревшая потребность заново переосмыслить текст четырнадцатилетней давности сквозь призму новейших, ошеломляющих достижений современной нейротрансплантологии, биоэтики и нейробиологии.

Время неумолимо движется вперед, информационные и биомедицинские технологии развиваются гигантскими, стремительными скачками, из-за чего жизненный цикл отдельных

концепций и теорий существенно сокращается. В итоге закономерно наступает качественная смена авторской идентичности, выражающаяся в решительном переходе от использования романтического псевдонима (Кара Дабан) к открытому, официальному представлению подлинного имени исследователя. Этот шаг символизирует окончательную интеллектуальную зрелость разработанной концепции.

С другой стороны, сама по себе практика создания так называемого «живого текста» неизменно обладает глубокой притягательностью как для автора, так и для читательской аудитории. Модернизированное издание превращает литературное произведение в интерактивное, пульсирующее интеллектуальное пространство. Это достигается за счет органичного введения развернутых авторских комментариев, актуальных диалогов и острой научной полемики, что делает читателя непосредственным соучастником и соавтором напряженного научного поиска.

Генеральная тема этого переиздания метафорически обозначена как «Метафизическая вертикаль». Она фокусирует магистральное внимание на векторе восхождения человеческого разума от интуитивного, образного познания к строгому рациональному анализу, а также на неразрывной, священной связи между творческим воображением художника и точной логикой ученого. Так или иначе, подобное обозначение глубокой преемственности между прошлым и настоящим изданиями задает уникальный контекст концептуальной «перезагрузки» всего произведения. Оно окончательно трансформирует его из раннего научно-фантастического романа в незыблемый, прочный фундамент современной «Теории трансплантационной этики».

Часть I

Пересотворить человека (Научно-фантастический роман)

К читателю

У всякой подлинной истории, у каждой глубокой проблемы и человеческой судьбы, как правило, обнаруживается множество истоков. Земное бытие непрерывно текло, течет и будет устремляться вперед до самого своего финального аккорда — до тех пор, пока окончательно не выгорит наше Солнце или пока всю нашу Галактику без остатка не поглотит ненасытная черная дыра. Однако в этой космической предрешенности очевидно одно: человеческая природа такова, что люди слишком часто остаются слепы и глухи к ментальному наследию и предостережениям своих предков.

Даже если бы мы применили самые изощренные, высокотехнологичные методы искусственного восполнения утраченной памяти, все равно нечто принципиальное — будь то сокровенные знания галактического масштаба, многовековой человеческий опыт или священные заветы дальновидных пращуров — неизбежно окажется преданным забвению. Нам хорошо известно, что даже самое бесценное духовное наследство, дорогие сердцу образы и память о близких безвозвратно стираются в сознании потомков на протяжении жизни всего лишь одного поколения. А ведь в данном случае речь может идти о куда более зловещих и глобальных феноменах человечества, таких как фатальное проклятье непрерывного Круга Зла.

Природа зла по самой своей сути метафизически бесконечна. Но что представляет собой Зло как таковое? В чем коренятся его подлинный смысл и имманентная логика? В свое время Василий Розанов в своей пророческой книге «Апокалипсис нашего времени» высказал потрясающую по своей дерзости мысль: «...Есть в мире какое-то недоразумение, которое, может быть, неясно и самому Богу. В сотворении его „что-то такое произошло“, что было unexpected и для Бога. Что такое произошло — этого от начала мира никто не знает, и этого не знает и не понимает Сам Бог. Бороться или победить это — тоже бессилён Сам Бог. Так и планета наша. Как будто она испугана была чем-то в беременности своей и родила „не по мысли Божьей“, а „по какому-то постороннему испугу“».

В рамках этого сложного, многомерного контекста концепт «Дьявола» можно интерпретировать сквозь призму трех принципиально разных умозрительных моделей: Первая модель: Дьявол как вполне конкретное, персонифицированное существо, которое сознательно и целенаправленно аккумулирует в себе всю несправедливость, порочность и жестокость земного мира. Вторая модель: Дьявол-отступник как мощный, безличный энергетический поток, порожденный коллективным разумом и страстями самих людей; этот поток несёт одним долгожданную свободу, а другим — невыносимую боль и страдания. Подобная концепция Дьявола гораздо сложнее для осмысления и требует от исследователя развитого абстрактного воображения. Третья модель: Дьявол как устойчивая, тотальная совокупность укоренившихся в нас превратностей и деструктивных воззрений на мир, которая наглядно олицетворяет собой душевную боль, злобу, экзистенциальную суету и ложь.

Крайне редко человек совершает осознанный, рациональный выбор, в какую именно из этих метафизических моделей Дьявола ему верить и стоит ли вообще связывать себя подобной верой. В большинстве случаев бурный, хаотичный поток обыденной жизни сам слепо бросает нас в то или иное ментальное русло, а мы впоследствии лишь механически ставим на этот результат штамп: «Мой сознательный выбор».

Как известно, выдающийся русский философ А. Ф. Лосев детально разработал глубокое неклассическое представление о природе символа как о сакральной точке встречи означающего и означаемого. Тем самым он ввел фундаментальный момент их сущностного тождества в качестве главного значения символа. Подобный методологический подход позволяет трактовать значение символа как его динамическую, неравновесную самоидентичность, результатом которой становится непрерывное конструирование новых смысловых пластов.

Благодаря этому полностью снимается упрощенный вопрос о зеркальной тождественности символа и обозначаемой им объективной действительности; вместо него на передний план выдвигается вопрос о самих людях, которые посредством этого символа специфически воспринимают, переживают и выражают окружающую реальность.

Возможно ли разорвать роковое проклятие Круга Зла? Сумеет ли мы отыскать внятный ответ на этот глобальный вызов человечеству, найдем ли мы его практическое решение?! При этом нам обязательно нужно учитывать, что в современном обществе живет огромное множество людей, которые наивно воображают, будто это общество способно в одночасье стать совершенно иным, праведным. Какая непростительная, детская наивность! И тем не менее... Однажды решительно ступив на тернистый путь познания, человек уже не имеет права повернуть назад...

Пролог

Год назад клиника отметила свой полувековой юбилей. Разбирая поток поздравительных открыток, телеграмм и официальных приветствий, приуроченных к этому знаменательному событию, мы наткнулись на два затерявшихся письма. Одно из них предназначалось профессору Каракулову, который за полтора года до этого покинул стены учреждения, уволившись по собственному желанию. Второе адресовалось нашему пациенту — Салиху Айкенову.

Да, тому самому легендарному и печально известному пациенту, которому года четыре назад профессор Каракулов подарил, по сути, новую земную оболочку, пересадив чужое тело. Эта операция в своё время наделала много шума в медицинских кругах и прессе, однако, к глубокому сожалению, её неизбежно относили к категории опасных экспериментов над человеком. Что именно подтолкнуло маститого профессора пойти на столь отчаянный и беспрецедентный шаг, до сих пор окутано тайной.

Оба послания пришли из далёкой Канады. Как выяснилось позже, их автором была наша соотечественница Лира Лим, которая уже очень давно уехала туда на постоянное место жительства.

Сложившиеся обстоятельства, увы, лишили эти письма всякого шанса на ответ. Во-первых, все наши попытки отыскать следы профессора Каракулова оказались тщетными. Что же касается второго адресата, то здесь нас ждала подлинная трагедия: едва выписавшись из клиники, Салих добровольно ушёл из жизни. Какая непреодолимая сила или внутренний надлом заставили его сделать этот роковой, необратимый шаг, по сей день остаётся загадкой.

Газеты того времени наперебой писали, что трагический излом в судьбе пациента каким-то мистическим образом перекликается с участием самого профессора Каракулова. Ведь именно после этого страшного известия доктор спешно уволился, и его имя больше никогда не упоминалось ни в научных докладах, ни в хрониках медицинской жизни.

Когда вездесущие журналисты пронюхали о существовании писем, адресованных этим двум ключевым фигурам давней драмы, они буквально осадили администрацию клиники, требуя обнародовать их содержание. Признаться честно, нам и самим безумно хотелось пролить свет на эту историю: узнать истинные мотивы внезапного ухода Каракулова, разгадать тайну гибели его знаменитого пациента и понять, как сложилась жизнь женщины, отправившей эти весточки. Нам до боли интересно было нащупать ту невидимую нить, которая намертво связала судьбы этих трёх людей. Но где искать ответы?

Может быть, нарушить тайну переписки и вскрыть конверты? Разумеется, нас терзали сомнения, ведь заглядывать в чужие письма — поступок предосудительный и неэтичный. И всё же любопытство в конце концов взяло верх над приличиями, и мы сломали печати.

«Здравствуй, мой дорогой Салих! Как твоё здоровье? Искренне надеюсь, что эти строки застанут тебя в добром здравии и благостном расположении духа.

Моя радость от нашей неожиданной встречи безгранична. Это само провидение! Ведь я приехала в родные края лишь ради того, чтобы украдкой, хотя бы со стороны, взглянуть на тебя в последний раз. Если бы ты погиб в той страшной аварии, нам уже никогда не суждено было бы скрестить наши жизненные пути. Наше свидание — бесценный подарок судьбы и тебе, и мне.

Я преклоняюсь перед твоим доктором — этим великим, гениальным хирургом Каракуловым. В письме к нему я так и выразилась: «Благодарю Вас за то, что пересотворили человека — близкого мне, родного, бесконечно любимого». В какой-то момент у меня даже возникло непреодолимое желание открыться ему полностью, ведь от него исходила удивительная уверенность и та спасительная надежда, в которой я так нуждалась.

Дело в том, что у меня нашли рак печени. Ложиться под нож у себя в Канаде я наотрез отказалась, посчитав, что медицина здесь уже бессильна. Но когда мне поведали, каким чудом

доктор Каракулов буквально пересобрал тебя заново, в моей душе забрезжил слабый лучик надежды. Те несколько дней, что я провела рядом с тобой, прошли в мучительных колебаниях: я то собиралась обо всём рассказать профессору, то решала промолчать о своей болезни. Я не сомневаюсь, что он сделал бы всё возможное, чтобы спасти меня, но... так и не отважилась на операцию.

Ты ведь помнишь, что я всегда была фаталисткой. Рок не обманешь, от предначертанного не уйдёшь. Моя жизнь фактически прожита, а впереди простирается лишь вечная мгла. Жалею я лишь об одном — о том, что жизнь так и не позволил нам быть вместе, несмотря на то, как страстно мы мечтали об этом и какие планы строили на будущее. Наша доля оказалась безжалостной. И то, что мне удалось урвать у вечности несколько дней для общения с тобой — уже великое утешение.

До последнего своего вздоха я буду молить Творца, чтобы он даровал тебе долгие годы жизни. Живи — в том числе за меня и за твоего младшего брата, чьё тело и чьи черты лица ты теперь вынужден носить. Перед лицом небытия, которое вот-вот распахнёт передо мной свои двери, я хочу исповедаться тебе. Ты прекрасно знаешь, что, кроме тебя, у меня не осталось ни одной родной души на всём белом свете. Так уж сложилось, что и детьми я не обзавелась.

Спасибо тебе за то, что в своей любви ты оставался со мной предельно искренним до самого конца. Наверное, мы могли бы переплести остаток наших дней и встретить старость рука об руку. Я долго размышляла над этим, но, прости, я слишком сильно не хотела стать для тебя обузой. Твоя судьба и без того оказалась слишком изломанной и безжалостной.

Я всем сердцем понимаю, какая это невыносимая, глубокая метафизическая мука — существовать в теле собственного брата. Я видела это в твоём ускользающем взгляде, угадывала в каждом слове. Но что мы можем изменить? Таков наш крест. Прости меня за то, что я оставила твои мольбы без ответа, бросив тебя один на один с тяжёлыми, мрачными думами о будущем. Мне невыносимо жаль, что я бессильна переломить обстоятельства, удерживающие нас по разные стороны океана. Любить близкого человека и ежеминутно сокрушаться о нём на таком колоссальном расстоянии — это тяжкое бремя, от которого порой можно сойти с ума.

Но то, что твои чувства ко мне ни капли не остыли, согревает мою душу даже за тысячи километров. Удивительная вещь всё-таки жизнь... Когда люди находятся рядом, они совершенно не ценят эти мгновения, растрачивая впустую отпущенное им время. Но стоит им разлучиться или потерять возможность видеться, как каждая минута обретает вес золота.

Те дни, что я провела у твоей постели, стали для меня бесценным сокровищем. Лишь там, в больничной палате, я наконец осознала, как много времени растратила на суету и пустяки. Мне бы чаще повторять тебе, как сильно я любила и ждала тебя... А теперь мне остаётся лишь молить Бога о твоём окончательном исцелении. Ты встречал меня с такой пронзительной нежностью и ликованием, что я вовек не забуду твоих счастливых глаз. Мы оба, вопреки всему, сумели сберечь нашу любовь.

Возможно, мы оба горько сожалеем, что нам потребовались долгие годы лишь для того, чтобы научиться ценить по-настоящему важное, видеть очевидное и не размениваться на мимолётные обиды. Нас разделяли мили, редкие встречи приносили мне — да и тебе, думаю, тоже — лишь глубокую тоску, а уязвлённая гордость рождала глупые, лишённые всякого смысла мысли.

Сейчас, глядя на всё это отстранённо, со стороны, я понимаю: Боже, какими же глупцами мы были! Но я хочу, чтобы ты знал: ты — единственный и самый дорогой мужчина в моей жизни, несмотря на все твои явные безрассудства, и сейчас я осознаю это чётче, чем когда-либо. Я всё так же сильно люблю тебя, и после нашей последней встречи ты стал для меня ещё дороже. С таким признанием на губах теперь и умирать не страшно.

Время способно и врачевать раны, и прощать ошибки. Что ещё я могу добавить? Перечитав сейчас эти строки, я вдруг с ужасом понимаю, что письмо вышло никуда не годным

— слишком уж оно мрачное, полное пессимизма. Разве можно отправлять такое тому, кого любишь всей душой, кого мечтаешь видеть каждое мгновение и кому сейчас и без того неимоверно тяжело?

Я долго не находила в себе смелости опустить конверт в почтовый ящик. Шли дни, уплывали недели, в голове рождались новые мысли, которые хотелось доверить бумаге. Но в итоге я всё же решилась отослать именно этот текст. А обо всём, что осталось недосказанным и скрытым между строк, я обязательно напишу в следующем послании — как только получу от тебя ответ.

Пожалуйста, не затягивай с ответом. Помни, что мои земные часы уже заведены и ведут обратный отсчёт, так что не откладывай письмо в долгий ящик.

Всё так же преданно любящая тебя, Лира».

Второе письмо, оказавшееся значительно лаконичнее, было адресовано непосредственно профессору Каракулову.

«Уважаемый доктор!

Позвольте выразить Вам слова искренней, безмерной благодарности за Ваше отзывчивое сердце и высочайшее хирургическое мастерство. Моё уважение к Вам безгранично: Вы в буквальном смысле совершили невозможное — вернули к жизни Салиха Айкенова, фактически пересотворив его заново. На подобное до Вас не отваживался ни один хирург в мире.

Я хочу от всего сердца поблагодарить Вас за те бесконечные бессонные ночи и полные тревоги дни, которые Вы провели у постели своего пациента, неустанно вселяя в него хрупкую надежду и возвращая утраченное желание жить. Прежде я лишь на страницах книг встречала утверждения о том, что люди, выбравшие стезю хирурга, должны быть готовы к ежеминутному самопожертвованию, колоссальным физическим нагрузкам, психологическому давлению и смертельному риску. Теперь же я воочию убедилась, что такие самоотверженные люди существуют в реальности. Вы — выдающийся учёный, настоящий Мастер своего дела и тонкий психолог, способный заглянуть в самые потаённые уголки человеческой души.

Вы даже представить себе не можете, каким неимоверным упрямством и непреклонной упорностью обладает Ваш пациент Салих. Судьба никогда не была к нему благосклонна, жизнь жестоко ломала его. И всё же я свято верю, что он отыщет в себе внутренние резервы и обязательно пойдёт на поправку.

Низкий Вам поклон за то, что Вы подарили новую жизнь человеку, который мне бесконечно дорог. Пусть Всевышний хранит Вас и Ваших близких!

С наилучшими пожеланиями, Лира Лим».

Кто жив? Кто мертв?

Наши дни. Поздний вечер. В одной из восьми операционных клиники экстренной хирургии залиты ярким светом два соседних стола. Здесь идут параллельные операции. Склонившись под бестеневыми лампами, работают две хирургические бригады, одну из которых возглавляет профессор Каракулов.

На его операционном столе лежит молодой человек, получивший тяжелейшую черепно-мозговую травму в автомобильной катастрофе. Его личность, как, впрочем, и личность второго пострадавшего, доставленного вместе с ним, к этому моменту установить не удалось. Именно поэтому в приемном покое в графу «Фамилия И. О.» историй болезни медики наспех внесли безликие записи: «неизвестный №1» и «неизвестный №2».

Осколки свода черепа аккуратно извлечены, черепная коробка вскрыта. Профессор, обернувшись к своему молодому ассистенту Тилеку, с особым пафосом, не скрывая восхищения и глубокого волнения, произнес: — Вот оно, святая святых человеческого существа, величайшее чудо и подлинная гордость природы, именуемая головным мозгом.

Справившись с нахлынувшими чувствами, он заговорил вновь: — Эта серая, податливая ткань — самая таинственная субстанция в организме. Её справедливо считают зеркалом внутреннего мира человека, вместившем его скорби и радости, упований и горьких разочарований, гениальных прозрений и фатальных ошибок...

Стоя у изголовья распростертого на столе пациента, Каракулов полностью погрузился в свои мысли. Мозг... Во всей Вселенной это самая высокоорганизованная материя, которую принято называть «обителью сознания». Самой природой он защищен и опекаем куда сильнее, нежели любые другие органы человеческого тела. В любой критической ситуации организм до последнего пытается протезировать мозг, отдавая ему приоритет и направляя повышенные порции крови, кислорода и питательных элементов... И всё же мозг — это загадка, которую он сам вряд ли когда-нибудь сможет окончательно разгадать и познать.

Ведь абсолютное большинство людей даже отдаленно не представляют себе, насколько колоссально сложно устроен человеческий мозг. Это венец творения Природы, её неоспоримый триумф.

— А знаешь ли ты, какой в нем заложен незадействованный потенциал? — вновь обратился профессор к Тилеку. — Ведь всё остальное в нашем теле по сравнению с ним — не сложнее детского конструктора. Меня искренне восхищает тот факт, что число потенциальных межнейронных связей здесь в разы превышает количество атомов во всей видимой Вселенной. Это число выражается единицей с несколькими миллионами нулей.

— Но... всегда существует это «но», — Каракулов на какое-то время замолчал и, задумчиво простояв так около пяти минут, продолжил. — С другой стороны, именно создав мозг, Природа сначала смогла восхититься собственным творением, а затем, посредством того же мозга, убедилась в обратном — в конечной уязвимости и хрупкости созданного ею мироустройства. Как по-твоему, почему?

Не дожидаясь ответа от растерявшегося ассистента, он сам же и ответил: — Природа осознала, что в конечном итоге этот Мир угаснет. Это неизбежный результат и следствие безжалостного второго закона термодинамики: зарождение, развитие, расцвет, затем регресс и, наконец, полный распад. Вот в чем кроется истинная трагедия! — воскликнул профессор. — Природа умеет дорожить своим высшим творением, именно поэтому она надежно заточила мозг в замкнутую костяную броню, стремясь уберечь его от любых случайных или намеренных повреждений. К сожалению, даже эта броня не всегда спасает. Как не спасла она и этого несчастного, — с глубокой скорбью в голосе резюмировал он.

— Да-а-а. Картина, прямо скажем, неутешительная, — констатировал Каракулов после того, как детально исследовал рану, а точнее — то, что еще уцелело от органа. Параллельно он осторожно удалял кашицеобразную кровяную массу, в которую превратилась практически вся правая гемисфера мозга.

В подобных ситуациях нейрохирурги выносят однозначный вердикт — размозжение мозга. При такой степени повреждения мозговая ткань настолько искорежена и разрушена, что надеяться на восстановление её структуры, а уж тем более прежней деятельности, попросту бессмысленно.

— Итак, мой юный друг! Мозг, как ты сам видишь, полностью разрушен. Это дает нам, увы, стопроцентное основание бесславно и досрочно завершить нашу операцию. Мы здесь абсолютно бессильны.

Профессор замолчал и после тяжелой паузы тихо заговорил, словно рассуждая сам с собой: — Вот так и получается: хирургия способна на многое, но она не всемогуща и имеет свои жесткие пределы. Жаль, невыносимо жаль! Этот юноша уже не жилец на этом свете. Но посмотрите, — он обратился к притихшим помощникам и анестезиологу, — как безупречно он сложен и развит! Какая великолепная мускулатура, какой торс... Настоящий голливудский герой, эдакий Джеймс Бонд, который словно прилег отдохнуть на минуту после очередного спасения человечества. Да и сердечная деятельность еще вполне сохранна.

Вся бригада машинально перевела взгляд на мерцающий монитор кардиоскопа. Сердце ровно и ритмично выписывало свои зеленые кривые, а цифры на табло упрямо демонстрировали стабильное пульсовое давление.

— Неужели это действительно финал и ничего нельзя предпринять? — без конца задавал он себе один и тот же вопрос.

Было очевидно, что Каракулов глубоко уязвлен, пребывая в состоянии отчаяния и мучительной нерешительности. Внешне его внутреннее состояние выдавало себя: профессора буквально душила острая жалость к безвестному пациенту, смешанная с горьким осознанием собственного бессилия сотворить спасительное чудо.

— Кто этот незнакомец? Кем он был в той, прошлой жизни, о чем грезил и мечтал, пока рок не забросил его на мой операционный стол? — размышлял доктор.

Крепкое, атлетическое телосложение, ухоженная внешность, аккуратная благородная борода — всё это подсознательно наводило на мысль, что перед ними лежит личность глубокая и одухотворенная.

— Может, он талантливый художник? Или мой коллега-ученый? А вдруг поэт или священнослужитель? Каракулов вдруг поймал себя на мысли, что за всю свою многолетнюю практику он никогда прежде не задавался подобными вопросами. Обычно ему было абсолютно всё равно, кто именно скрывается под стерильными простынями на его столе — высокопоставленный чиновник или бездомный бродяга, дряхлый старик или безусый юнец, мужчина или женщина. В операционной пациент существовал для него исключительно как безликий объект хирургического рукоделия: анатомические слои, ткани, пересеченные сосуды и нервные стволы, шов, еще один шов, отрезать, пришить, инструменты, инструменты... С самими людьми он знакомился лишь во время утренних обходов, когда те уже находились в реанимационных палатах или отделениях.

Таков был строго заведенный им многолетний порядок: ассистенты готовили больных, он выполнял основную работу, реаниматологи выхаживали, а лечащие врачи доводили дело до выписки. Организационные моменты и личностные детали пациентов его попросту не занимали.

Но в этот раз привычный алгоритм дал сбой. Обычно, наложив последний шов, Каракулов стремительно отходил от стола, сухо бросая бригаде дежурное «спасибо!». Сейчас же

он почему-то медлил, явно пребывая в глубоком смятении. На его лице читалась не просто жалость, а какое-то странное, несвойственное ему замешательство.

Вся операционная бригада застыла, теряясь в догадках: что происходит с шефом и чего ждать от него в следующую секунду? «Видимо, стареет наш Кубат Бакирович, — подумала Ася, бессменная операционная сестра профессора, долгие годы проработавшая с ним плечом к плечу. — Сентиментальным становится, сердобольным». Ей почему-то вспомнился Юлий Цезарь — она как раз находилась под сильным впечатлением от недавно прочитанной книги «Жизнь двенадцати Цезарей». Наверное, великий диктатор пребывал в точно таком же фатальном ожидании, когда стоял у берегов Рубикона, мучительно решая: стоит ли его легионам переходить эту черту или лучше отступить? Девушке никогда раньше не приходило в голову, что Цезарь, казавшийся ей эталоном абсолютной решительности на грани безумства, в моменты крайнего отчаяния тоже мог проявлять слабость и колебаться.

Профессор тем временем продолжал стоять у стола, погруженный в свои думы. Скрестив руки на груди, он молчал уже добрых десять минут. В его неподвижной позе отчетливо угадывалось колоссальное внутреннее напряжение и борьба. Сотрудники прекрасно знали: такое состояние у шефа всегда предвещало принятие какого-то неординарного, революционного решения или внезапный творческий порыв.

И в этот раз интуиция их не подвела. Внезапно, словно очнувшись от глубокого забытья, Каракулов резко поднял голову: — Коллеги! Взгляните внимательнее, — отчетливо произнес он. — Основание черепной коробки абсолютно целое, магистральные кровеносные сосуды тоже чудом избежали повреждений. А что, если мы рискнем и используем эту идеальную черепную коробку для размещения совершенно другого головного мозга?

Глаза профессора лихорадочно заблестели. — Посмотрите, на соседнем столе наши коллеги уже без малого три часа безуспешно пытаются «заштопать» второго пострадавшего. У него в локуты разорваны органы груди и живота, но, насколько я вижу, голова осталась абсолютно целой, череп невредим. Вот у него-то мы и возьмем здоровый головной мозг! — решительно отрезал Каракулов.

— Что скажешь на это, коллега? — с явным вызовом и легкой иронией спросил он у своего ассистента. Тилек от неожиданности онемел, не зная, как реагировать на подобные слова шефа: то ли как на циничную хирургическую шутку, то ли как на злую иронию.

В этот момент профессор повысил голос и обратился к хирургам за соседним столом, желая окончательно прояснить ситуацию: — Коллеги, ответьте прямо: есть ли у вас хоть малейшие шансы спасти того несчастного, над которым вы сейчас колдуете? Наим Сафарович — опытный хирург, возглавлявший вторую бригаду, — глухо отозвался: — Кубат Бакирович, я сейчас подойду к вам и всё объясню. Но, еще не отходя от своего пациента, он добавил: — У нас тут критическое положение. У пострадавшего тяжелейшая закрытая комбинированная травма грудной и брюшной полостей. Зафиксированы множественные разрывы легких, печени, обеих почек и кишечника. Одним словом, травма, абсолютно несовместимая с жизнью.

— К тому же начался синдром диссеминированного внутрисосудистого свертывания, кровь практически перестала сворачиваться, — мрачно вмешался в разговор анестезиолог, контролировавший наркоз за вторым столом.

Наим Сафарович наконец отошел от своего стола, приблизился к Каракулову и, заглянув в рану его пациента, тихо заметил: — Кубат Бакирович... Но ведь у вашего человека мозги в буквальном смысле растекаются. — В том-то и дело! — мгновенно подхватил Каракулов. — А по-твоему, это всё еще человек? Без головного мозга, без этого главного и единственного центра восприятия реальности — это уже не человеческое существо. Это, как принято говорить у нас в медицине, просто труп с пока еще бьющимся сердцем. И вы отлично это понимаете без меня.

— Вы правы, Кубат Бакирович, — не поднимая глаз, согласился Наим Сафарович. — Он... он действительно больше не человек... Кубат Бакирович, с вашим пациентом всё ясно. Теперь прошу вас, пойдёмте к нашему, взгляните сами.

Он жестом пригласил профессора к соседнему операционному столу: — Посмотрите, какой кошмар и хаос царят у него в брюшной и грудной полостях!

Каракулову хватило одного беглого взгляда на то разверзнутое месиво, в которое превратилось чрево пациента, чтобы окончательно убедиться в полной тщетности и безнадежности любых попыток хирургического вмешательства. Травма была колоссальной.

— Да, Наим Сафарович, вы абсолютно правы, — протянул Каракулов, качая головой. — Здесь действительно имеют место повреждения, не оставляющие ни единого шанса на жизнь. Это тоже больше не человек... Извините меня за такое страшное определение, но перед нами — просто анатомический набор!..

Рождение дилеммы: кто где?

Именно так в анналах истории науки и медицины запечатлелась первая отчаянная попытка пересотворить человека — шаг, при котором к мыслящему головному мозгу одного существа было ювелирно присоединено всё физическое тело другого. Человек дерзнул замахнуться на таинство пересотворения себе подобного, самонадеянно возомнив себя равным Творцу. Он бесцеремонно преступил ту зыбкую черту, за которой веками покоилось невозможное и запретное, и тем самым опрометчиво распахнул проклятый «ящик Пандоры», совершенно не ведая, к каким фатальным последствиям приведет этот близорукий и дерзкий поступок и каких потрясений ждать от него в будущем.

Мозг был успешно пересажен. На первый взгляд, всё прошло безупречно. Однако Каракулов, вопреки ожиданиям, не испытывал того привычного, глубокого чувства удовлетворения, которое обычно наполняло его после завершения сложной, но удачной операции. Профессор всегда считал, что подлинное торжество наступает тогда, когда стандартное вмешательство удается завершить нестандартно — творчески, а уникальную, из ряда вон выходящую операцию — превратить в отточенный, предсказуемый стандарт. Такой высочайший уровень хирургического мастерства принято называть даром «золотых рук», и именно он служит объективным критерием, по которому можно судить об истинной искусности врача, масштабе его клинического мышления и ювелирном умении.

Что же так сильно терзало и смущало его душу? Нет, сомнения вызывала не сама техника проведенной операции. Его пугало то, что уже произошло, а точнее — то, чему теперь неизбежно суждено было случиться. С некоторых пор, а если говорить предельно точно — как только он перешагнул свой пятидесятилетний рубеж, профессор поймал себя на странном страхе: он начал болезненно бояться не просто публичного осуждения или профессионального выпада в свой адрес, но даже малейшего упрека.

Нет, Кубат Бакирович вовсе не считал себя непогрешимым абсолют. По всей видимости, прожитые годы, высокий статус и общественное положение обязывали его действовать куда более совестливо, осмотрительно и требовательно к самому себе. В его нынешнем восприятии любое чужое неодобрение или мимолетный упрек казались невыносимым, болезненным ударом по самолюбию. Наверное, именно этот внутренний надлом и заставлял его в последнее время всё чаще уходить в себя, замыкаться в личных переживаниях и искать уединения.

В кабинете профессора, где еще пахло крепким кофе и стерильностью, собрались ключевые участники ночного события. Завязался неторопливый, но чрезвычайно напряженный разговор.

— Уважаемые коллеги, — взял слово Наим Сафарович, нарушив затянувшуюся паузу. — С вашего позволения я хотел бы устроить небольшую ментальную проверку для нашей амбициозной молодежи. Проверим, так сказать, их логику и академические знания. Вот тебе, Тилек, вопрос на засыпку, над которым стоит крепко подумать.

Наим Сафарович поудобнее устроился в кресле и продолжил:

— Итак, восстановим хронологию. К нам в клинику доставили двух безвестных пострадавших. Из-за того, что до начала экстренного вмешательства мы так и не смогли установить их личности, истории болезни были оформлены в спешке, и пациентов обозначили сухими кодами: «неизвестный №1» и «неизвестный №2». Неизвестного под первым номером оперировал лично Кубат Бакирович, а спасением второго пострадавшего занималась моя хирургическая бригада. Всё верно? Я ничего не путаю?

В ответ на этот вопрос Тилек лишь молча и согласно кивнул головой, внимательно слушая старшего коллегу.

— Пойдем дальше, — методично развивал свою мысль Наим Сафарович. — Пострадавший, которого оперировали мы, скончался прямо на операционном столе. Он умер в ходе вмешательства из-за тяжелейших, абсолютно несовместимых с жизнью множественных повреждений органов груди и живота. Это медицинский факт. Его уцелевший, здоровый головной мозг экстренно изъяла ваша бригада и ювелирно пересадила в свободную черепную коробку того пациента, которого оперировал Кубат Бакирович. Всё именно так и происходило? — вновь адресовал он вопрос притихшему Тилеку.

— Да, Наим Сафарович. Всё именно так и было, слово в слово, — негромко подтвердил ассистент.

— А теперь слушай внимательно то, что следует из этого дальше. Буквально час тому назад вы благополучно сняли своего пациента с операционного стола, и в настоящую минуту он находится в реанимационном блоке.

Старший хирург резко повернул голову в сторону анестезиолога и переспросил её, желая расставить все точки над «i»:

— Бакыт Капаровна, ответьте, пожалуйста: этот ваш подопечный в данный момент жив?

— Тьфу-тьфу, как бы только не сглазить... — тихо отозвалась она, суеверно постучав по подлокотнику. — Да, на данный момент он жив. Нам удалось полностью стабилизировать сердечную деятельность, показатели в норме, а функцию дыхания за него сейчас выполняет аппарат искусственной вентиляции легких.

Бакыт Капаровна ответила быстро и уверенно, даже не осознавая в тот миг, что своими же словами заводит логику ситуации в глухой, неразрешимый тупик и допускает серьезную ментальную оплошность.

— Вот теперь я окончательно ничего не понимаю, — Наим Сафарович победоносно обвел взглядом присутствующих. — Посудите сами, коллеги. Вы в один голос авторитетно утверждаете, что пациент под кодовым именем «Неизвестный №2» скончался на моем операционном столе, и его истерзанное тело мы с чистой совестью списали в морг. Но при этом вы с не меньшей уверенностью заявляете, что его главный орган — головной мозг — продолжает жить и функционировать, пусть и в чужой телесной оболочке, находясь под неусыпным контролем аппаратов в реанимации. Получается парадокс!

Он победно посмотрел на притихшего молодого коллегу:

— Ответь мне тогда, логик ты наш, Тилек: кто же из них двоих на самом деле умер, а кто остался жив? И самое главное — под каким именем и юридическим статусом нам теперь следует регистрировать этого уникального пациента в официальных медицинских документах и отчетах клиники? Как «неизвестного №1» или всё-таки как «неизвестного №2»? Ведь от этого решения зависит всё!

В кабинете мгновенно воцарилась тяжелая, звенящая тишина. Вопрос Наим Сафаровича, словно острый скальпель, вскрыл глубочайшую юридическую и этическую проблему, к которой никто из них не был готов.

Тилек откровенно растерялся. Он сидел, опустив глаза, и лихорадочно пытался выстроить в голове хоть сколько-нибудь логичный и аргументированный ответ, но мысли путались, а привычные медицинские догмы рушились одна за другой перед лицом этой невероятной метафизической реальности.

Видя замешательство молодого хирурга, Наим Сафарович слегка улыбнулся и, решив окончательно запутать ассистента, подбросил ему новую пищу для размышлений, переведя спор в сугубо правовое русло:

— Ну хорошо, давай попробуем зайти с другой, чисто юридической стороны, раз медицинская логика пасует. Представь себе на минуту такую вполне жизненную ситуацию: этот наш прооперированный пациент в реанимации благополучно приходит в себя, его сознание полностью восстанавливается, и он уверенно заявляет нам: «Я — Иванов!».

Хирург сделал выразительную паузу:

— Но при этом мы-то с вами прекрасно знаем и видим, что его физическое тело, его паспортные антропометрические данные, отпечатки пальцев, группа крови и, наконец, лицо — принадлежат совершенно другому человеку, скажем, Петрову! И как нам прикажете прикасаться к этой юридической головоломке? Чьи права признавать? Кто перед нами с точки зрения закона — Иванов, запертый в теле Петрова, или Петров, мыслящий мозгом Иванова?

Наим Сафарович перевел дух и продолжал развивать свою мысль, распаляясь всё сильнее:

— Дальше — больше! А теперь представь, Тилек, какой грандиозный, невиданный скандал разразится, когда у дверей нашей клиники внезапно появятся законные родственники обоих этих парней? Родные покойного Петрова, чей мозг мы пересадили, придут в реанимацию, посмотрят на кровать и в ужасе закричат: «Позвольте, но ведь это же не наш сын! Наш был худощавым, с татуировками, а это — совершенно чужой нам атлет!».

— В то же время, — Наим Сафарович сокрушенно покачал головой, — родственники Иванова, чье тело уцелело, подойдут к постели, увидят родные черты лица, знакомые руки, обрадуются и захотят забрать его домой. Но когда этот человек заговорит с ними, окажется, что он не помнит ни их имен, ни общего прошлого, зато в деталях помнит чужую жизнь, чужую мать и требует называть его чужим именем! Вы только вдумайтесь, в какую страшную, извращенную психологическую и этическую ловушку мы добровольно загнали и себя, и эти несчастные семьи!

Каракулов, который до этого момента сидел абсолютно неподвижно в своем углу, закрыв глаза и словно безучастно дремля под монотонный гул голосов коллег, при этих словах медленно поднял голову. В его усталом, глубоком взгляде проскользнула мрачная решимость.

— Наим, перестань попусту сотрясать воздух и пугать молодежь, — негромко, но властно произнес профессор, и спорящие тут же притихли, обратившись к шефу. — Все твои витиеватые юридические дилеммы и страшные сценарии с родственниками, признаться честно, не стоят сейчас и выеденного яйца.

Кубат Бакирович тяжело вздохнул, и в его голосе зазвучали жесткие, реалистичные нотки умудренного опытом ученого:

— Всё, о чем ты здесь так страстно распинаешься, приобретет хоть какой-то реальный смысл и практическое значение лишь в одном-единственном случае: если этот наш уникальный пациент не просто выживет, а сможет полностью прийти в ясное сознание. А вот в этом-то как раз, признаться откровенно, у меня пока нет абсолютно никакой уверенности. Мы сделали чудо, но приживется ли это чудо — огромный вопрос.

Профессор горько ухмыльнулся под усами:

— Так что, дорогой мой Наим, твои бурные дебаты о правах Иванова и Петрова — это пока не более чем преждевременная дележка шкуры еще не убитого медведя. Сейчас наша главная, первоочередная и единственная задача — сделать всё возможное и невозможное, чтобы удержать эту хрупкую жизнь в реанимации. А со всеми юридическими казусами, антропометрическими нестыковками и претензиями родственников мы будем разбираться потом. По мере их поступления. Если, конечно, нам вообще представится такой счастливый случай.

Каракулов поднялся со своего места, давая понять, что затянувшийся ночной консилиум окончен. Его уставшая, но по-прежнему прямая фигура излучала непреклонную волю человека, который осознанно перешагнул Рубикон и готов нести свой крест до самого конца, какие бы штормы ни бушевали за стенами его операционной.

Поиск разгадки — кто где?

В глубине души Каракулов испытывал тихое, сдержанное торжество. Он отчетливо предвидел то безупречное, триумфальное завершение логической цепи умозаключений, которую он так искусно выстраивал перед своими коллегами.

С легким оттенком торжественного пафоса профессор произнес:

— Уважаемый Наим Сафарович! Позвольте от всего сердца поздравить вас и ваших ассистентов с тем, что ваш пациент в итоге остался жив!

Затем он перевел взгляд на Тилека. Молодой человек, совершенно не улавливая, к какому парадоксальному выводу клонят старшие коллеги, сидел с глубоко растерянным видом, переводя вопрошающий взгляд с Наима Сафаровича на своего шефа. Видя эту искреннюю растерянность, Каракулов добродушно рассмеялся.

— Вот в этом-то и кроется наш главный метафизический ребус, — пояснил профессор. — Тилек, я всё же очень надеюсь, что ты наконец осознал, какой именно из двух безымянных пострадавших на самом деле уцелел в этой ночной схватке со смертью.

На это Тилек, ни секунды не колеблясь и с полной юношеской уверенностью, ответил:

— Разумеется, Наим Сафарович оперировал «неизвестного №2», и этот несчастный погиб. А вот тот пациент, над которым колдовала наша бригада, то есть «неизвестный №1», как мы сами видим, благополучно снят со стола и остался жив.

В кабинете снова раздался дружный смех старших коллег. Тилек густо покраснел и окончательно сконфузился. В его строго структурированном медицинском разуме решительно не укладывалось, почему все присутствующие, словно сговорившись, упрямо утверждают, будто живым остался именно второй пострадавший. Логика молодого хирурга протестовала: если второй больной скончался прямо во время операции на соседнем столе, а первый, чье тело они оперировали, дышит и переведен в реанимацию, то почему почтенные профессора переворачивают факты с ног на голову? Он искренне, до глубины души не понимал этой загадки.

В этот момент в дверях кабинета появилась дежурная медсестра.

— Кубат Бакирович, Бакыт Капаровна, — негромко произнесла она. — Вас срочно вызывают в реанимационное отделение. Там... кажется, наш больной начинает приходить в себя.

Эта весть подействовала на присутствующих как электрический разряд. Каракулов и Бакыт Капаровна мгновенно поднялись со своих мест и стремительно, почти бегом, направились по длинным, гулким больничным коридорам в сторону реанимационного блока.

Когда они вошли в палату, перед ними предстала удивительная картина. Пациент, по-прежнему запертый в своей футуристической барокамере, медленно открывал глаза. Сквозь прозрачный купол герметичной капсулы ученые с замиранием сердца наблюдали за пробуждением этой новой, едва зародившейся жизни.

Взгляд проснувшегося человека пока еще был туманным, расфокусированным и блуждающим, словно он пытался пробиться сквозь плотную завесу тяжелого, многолетнего сна. Постепенно его глаза обрели способность концентрироваться на окружающих предметах. Он долго и недоуменно разглядывал датчики на своей груди, тянущиеся к нему разноцветные провода, мерцающие экраны мониторов и, наконец, остановил свой взор на застывших у барокамеры фигурах врачей в белых халатах и масках.

В этом робком, ускользающем взгляде Каракулов тщетно пытался прочесть ответ на мучивший его вопрос. Профессор напряженно всматривался в зрачки больного, стремясь разгадать великую тайну: чья именно душа сейчас смотрит на него изголодавшимся по жизни взором? Кто скрывается за этой телесной оболочкой? В сознании доктора вихрем проносились воспоминания о недавнем жарком споре в кабинете, и он мысленно возвращался к тем глубинным, фундаментальным вопросам, которые они так бурно обсуждали.

Каракулову невольно вспомнился один примечательный международный симпозиум — междисциплинарный круглый стол, проходивший около двух лет назад и посвященный острейшим биоэтическим проблемам современной трансплантологии. На том высоком научном собрании присутствовали не только видные ученые, академики и юристы, но и авторитетные духовные лидеры, представлявшие самые разные мировые конфессии.

Основной лейтмотив тех дискуссий, который Каракулов отчетливо помнил и по сей день, сводился к следующему: несмотря на то, что практически все ведущие религии мира сделали колоссальный, позитивный шаг навстречу нуждам современной медицины и признали трансплантацию органов актом милосердия, они так и не сумели прийти к единому, окончательному консенсусу относительно концепции «целостности человеческого тела» в момент его погребения.

Тогда, два года назад, Каракулова до глубины души поразила и увлекла подобная постановка вопроса. Его, как практикующего трансплантолога, всегда искренне удручало и ранило это явное внутреннее противоречие: официальная религия на словах одобряет и благословляет спасение человеческих жизней с помощью пересадки органов, но на деле выстраивает жесткие, порой непреодолимые догматические барьеры на пути развития системы посмертного донорства. Получался классический двойной стандарт — провозглашать одно, а на практике способствовать совершенно другому.

Примеров тому в теологических трактатах и проповедях можно было найти великое множество. Один из самых ярких постулатов гласил: человек является священным «даром Божиим», абсолютно уникальным существом, не имеющим аналогов в земной природе. Религия традиционно наделяет его надприродными, мистическими свойствами и утверждает, что в силу этой своей сакральной природы человек принципиально недоступен для полноценного изучения, а уж тем более для искусственного воспроизводства или изменения в строгих рамках академической науки и высоких технологий.

Именно на том памятном круглом столе судьба свела Каракулова с удивительным человеком — Абдилатипом-ажы. Этот мудрый духовный наставник с первых же минут своего выступления буквально приковал к себе всё внимание искушенной аудитории. Его слова, сказанные негромко, но с глубокой внутренней силой, врезались профессору в память:

«Вот представьте: человек покинул этот мир, его бессмертная душа отлетела в вечность, но головной мозг физически еще остается внутри остывающего тела. Разве этот мозг, оставшись без своей духовной искры, без души, не является в ту же секунду мертвым? И разве имеем мы право пересаживать его другому существу? Никогда не следует опрометчиво отождествлять материальный мозг с нематериальной душой. Да, в земной жизни мозг связан с ней таинственным, непостижимым образом, но по своей сути он — не более чем физическое орудие, биологический инструмент нашей высшей нервной деятельности. А вот то, как именно божественная душа проявляет себя через этот инструмент высшей нервной деятельности, скрыто от нас плотной завесой. Это великая и неприкосновенная тайна Творца. Однако душа совершенно четко и осязаемо заявляет о себе в нашем мире, а человеческий разум — это лишь скромный помощник, который помогает нам облекать в земные слова то, что посылает нам душа. Разве я не прав, почтенные коллеги?» — с легкой, мудрой улыбкой обратился тогда Абдилатип-ажы к притихшему залу.

Размышления о пересадке головного мозга

Каракулов мысленно отметил безупречную, глубокую логику этого человека. Оспорить или опровергнуть его суждения было решительно невозможно.

«Никому из смертных не дано доподлинно знать, в каких именно потаенных тайниках и глубинах нашего существа хранится память о пережитых событиях. Это великая загадка, область, абсолютно недоступная для нашего ограниченного понимания, и здесь мы обязаны благоговейно остановиться», — уверенно, четко и веско произнес тогда Абдилатип-ажи.

И ведь неслучайно в народе говорят, что человеческая память по природе своей милосердна. Она обладает удивительным свойством стирать, предавать забвению тяжелые, мрачные воспоминания, бережно сохраняя лишь светлые, радостные и чистые мгновения прошлого. И всё это — не что иное, как осязаемые проявления нашей бессмертной души, которая по самой своей сути несет в себе божественное начало. «Разве я в чем-то не прав, уважаемые коллеги?» — звучал в ушах профессора его голос.

В тот момент Каракулов поймал себя на очень важной мысли: «Вот-вот, именно так. Именно поэтому пора наконец признать чистой иллюзией расхожее убеждение, будто в вопросах истинного гуманизма и человечности религиозные догмы обладают неким исключительным правом на абсолютную истину». Внимательно слушая выступления остальных участников того памятного междисциплинарного круглого стола, доктор пришел к однозначному выводу: в целом консолидированная позиция ведущих религиозных конфессий сводится к тому, что для человеческого существа трансплантация донорского головного мозга является шагом абсолютно неприемлемым и противоестественным.

Ведь чужой мозг неизбежно принесет с собой чужие знания, чужие паттерны восприятия, иные чувственные ощущения и, главное, чужую память. А память, как ни крути, неразрывно вплетена в структуру души. Конечно, с чисто анатомической точки зрения мозг состоит из колоссального множества миллионов тончайших микропроводников и нейронных сетей, которые своей организацией отдаленно напоминают сверхсложную, футуристическую компьютерную систему. Разумеется, в этой системе предусмотрены свои биологические накопители и материальные носители информации. Однако сама область памяти и сознания намертво, невидимыми узами связана с нашей духовной составляющей, которая лишь проявляет и материализует себя в земном мире через призму высшей нервной деятельности.

— Да-а... Пересадка головного мозга — это действительно бездонный, пугающий океан философии, — негромко произнес профессор вслух, прерывая собственные мысли.

По авторитетному мнению многих современных теоретиков и футурологов, пересаживая голову (или, точнее, изолированный мозг) одного индивида к физическому телу другого, ученые на выходе получают принципиально новую, глубоко специфическую квазиличность. Но задумывался ли кто-нибудь всерьез, каковы будут неизбежные социальные, этические и правовые последствия подобного шага? Последствия... Последствия... Эхо этого эксперимента может оказаться поистине разрушительным для привычных устоев цивилизации.

Каракулов глубоко вздохнул, утомленно потер виски и не спеша прошел к своему рабочему столу. Опустившись в глубокое кожаное кресло, он задумчиво уставился в темное окно, за которым раскинулся ночной город.

«И всё же, если попробовать взглянуть на эту острейшую проблему сквозь призму классического философского осмысления, — продолжал он свои рассуждения, — если попытаться детально проанализировать и научно обосновать насущные запросы современной трансплантологической практики, то для нас будет чрезвычайно полезно и поучительно углубиться в саму историю зарождения трансплантологии, изучить её исходные, потаенные мотивы».

Как истинный ученый, Каракулов прекрасно понимал: любые доводы, выдвигаемые обывательским обществом, социологами, юристами и публицистами, академический философ обязан рассматривать лишь как приблизительные, гипотетические и сугубо относительные вердикты. Ведь для подлинного мыслителя наивысшую ценность представляют чистые научные знания и фундаментальные законы бытия. Его интересуют не мелкие прикладные подробности конкретной науки, а её базисные, принципиальные результаты, исторический путь и, в особенности, сам методологический аппарат научного поиска.

Но здесь неизбежно возникало одно грандиозное, роковое «но»... Свободен ли сам философ или ученый от тех жестких, непреодолимых ограничений и субъективных рамок, которые накладывает на него его собственная биологическая человеческая природа? В какой вообще мере нам дано преодолеть эту пресловутую человеческую субъективность и предвзятость? Способны ли мы в принципе узнать хоть что-то достоверное о том, чем является этот Мир на самом деле, в противовес тому, каким он ежеминутно представляется нашему несовершенному восприятию?

«Пожалуй, Виктора Франкенштейна и его многочисленных идейных последователей нам придется безоговорочно признать выдающимися, пассионарными личностями, подлинными основателями, первопроходцами и главной движущей силой всей современной трансплантационной хирургии — разве этот факт не очевиден и не бесспорен?» — отрешенно размышлял профессор.

Он отдавал себе отчет в том, что обязан мыслить исключительно категориями общих понятий, оперировать абстрактными величинами и оставаться предельно беспристрастным судьей. Однако парадокс и ирония ситуации заключались в том, что чрезмерная общность и холодная беспристрастность в мышлении зачастую служат совершенно противоположным, взаимоисключающим целям.

Каракулов мысленно задал себе вопрос: «Стоит ли мне сейчас избрать для себя осознанную стратегию тотального сомнения?» Но тут же сам себе и ответил: сомневаться всегда, непрерывно и абсолютно во всем — значит полностью лишить собственный разум возможности двигаться вперед, заблокировать любое развитие и обречь себя на ментальный паралич. Тогда как же поступить? Какой путь выбрать?

«Или же будет правильнее принять так называемую стратегию инерционного, эволюционного развития? — думал он. — Исходить из постулата, что свою мировоззренческую позицию имеет смысл менять лишь тогда, когда перед тобой открывается более глубокая, емкая и научно обоснованная альтернатива».

Для практикующего врача это, безусловно, был бы самый разумный, взвешенный и безопасный выход из затянувшегося экзистенциального тупика. И Кубат Бакирович с грустной усмешкой отметил про себя, что именно эту удобную, прагматичную и смелую позицию сегодня активно защищают и продвигают сторонники радикального трансгуманизма.

Семинар по трансплантологии

Проведение семинара, целиком посвященного феномену Франкенштейна, намеренно запланировали на субботу. Этот день традиционно считался в коллективе относительно спокойным, располагающим к неторопливым дискуссиям и свободному, неформальному обмену мнениями. Именно по этой причине заседания Ученого совета клиники тоже всегда переносили на субботнее утро.

Открывая заседание, директор клиники особо подчеркнул, что сама идея организовать подобный масштабный обмен мнениями по заявленной теме родилась еще в первые месяцы после того, как в стенах их учреждения была осуществлена беспрецедентная операция по пересадке головного мозга. С того памятного события утекло уже немало воды, и сотрудникам заблаговременно порекомендовали перечитать знаменитый готический роман Мэри Шелли «Франкенштейн, или Современный Прометей», а также пересмотреть культовые киноверсии этого произведения, чтобы сегодняшнее обсуждение вышло по-настоящему глубоким и продуктивным.

— Тем не менее, — добавил директор, — мы предварительно поручили нашему молодому коллеге Тилеку подготовить емкий аналитический обзор основных сценарных идей, сюжетов и метаморфоз, запечатленных в мировой литературе и кинематографе по данной теме.

Тилек поднялся на трибуну и сообщил собравшимся, что мотивы трансплантации головы и конструирования нового тела легли в основу колоссального количества художественных произведений, а в мировом кино было создано более тридцати полнометражных лент на этот сюжет.

— К примеру, в 1967 году режиссер Теренс Фишер снял культовую картину «Франкенштейн создал женщину», — увлеченно рассказывал Тилек. — В этом фильме гениальному ученому удается осуществить метафизический эксперимент: он пересаживает душу своего трагически погибшего молодого ассистента в физическое тело его трагически ушедшей возлюбленной. Однако в этом причудливом и противоестественном союзе плоти и духа главным, доминирующим началом становится то, что этот союз изначально породил — а именно смерть. Основная забота Франкенштейна в данной киноленте сводится к поиску ментальных способов разрушить те внутренние барьеры и «фильтры», которые упрямо мешают воскрешенной душе вернуться к полноценному земному бытию, не неся на себе неизгладимого клейма пережитой гибели.

Два года спустя, продолжал ассистент, этот же британский кинорежиссер подарил миру следующую картину под красноречивым названием «Франкенштейн должен быть уничтожен». Сюжетная линия здесь закручена вокруг того, что безумный барон похищает из психиатрической лечебницы своего бывшего коллегу по научным изысканиям — профессора Брандта. Последний находится при смерти из-за неизлечимого сердечного недуга. Желая во что бы то ни стало спасти уникальные знания профессора, Франкенштейн решается на отчаянный шаг: он извлекает его здоровый головной мозг и ювелирно пересаживает его в черепную коробку другого человека — профессора Рихтера.

— В итоге Брандт благополучно приходит в сознание внутри совершенно чужой телесной оболочки, — резюмировал Тилек. — Но вместо радости спасения он испытывает глубочайший шок и экзистенциальный ужас от созерцания своего нового, неузнаваемого облика в зеркале. Его терзает невыносимая мука: он осознает, что навсегда потерял прежнюю физическую идентичность. В финале картины, разрываемый внутренними противоречиями и метафизической болью, этот обновленный профессор жестоко мстит своему создателю, поджигая замок барона и увлекая Франкенштейна вместе с собой в очищающее пламя.

Профессор Каракулов, сидевший в первом ряду, слушал доклад своего ученика с явным интересом. Эти кинематографические метафоры странным, почти мистическим образом перекликались с его собственными ночными мыслями и той реальной драмой, которая сейчас разворачивалась в реанимационном отделении клиники.

В этот момент его размышления прервал Сапар Туманович — заведующий реанимационной службой. Он осторожно приоткрыл тяжелую дубовую дверь конференц-зала и, отыскав глазами Каракулова, сделал ему едва заметный, но очень настойчивый знак рукой. В этом жесте угадывалось крайнее волнение.

Профессор мгновенно считал этот безмолвный сигнал. Стараясь не привлекать к себе лишнего внимания коллег и не нарушать плавное течение семинара, он тихо поднялся с кресла и на цыпочках покинул зал, аккуратно прикрыв за собой дверь. В коридоре его уже ждала Бакыт Капаровна. На ее лице блуждала странная, взволнованная улыбка.

— Что случилось, Сапар Туманович? Рассказывайте скорее, — нетерпеливо вымолвил Каракулов, чувствуя, как сердце предательски заколотилось в груди.

— Кубат Бакирович, с вас причитается, и очень по-крупному! — загадочно и торжественно протянул реаниматолог, с трудом сдерживая триумфальные нотки в голосе. — Ваш подопечный... Он невероятно стабильно удерживает энцефалограмму на четкой, ритмичной линии вот уже в течение шести часов подряд!

Ученые стремительно вошли в реанимационную палату. Теперь всё внимание присутствующих медиков было намертво приковано к мерцающим мониторам мозговой активности. На светящемся табло аппарата все двенадцать тонких зеленых линий слаженно, синхронно и безупречно вычерчивали живую, ритмичную волну электрических импульсов головного мозга.

— Боже мой, это же просто фантастика! Вот это здорово! — взволнованно воскликнула Бакыт Капаровна, всплеснув руками.

В палате мгновенно воцарилось невероятное, бурное оживление. Сдерживаемые доселе эмоции вырвались наружу: возгласы искреннего врачебного удивления перемешались со словами глубокого восхищения и триумфа. Дежурные доктора и реаниматологи плотным кольцом окружили Каракулова, шумно поздравляя его и на радостях дружески хлопая профессора по плечу. Это была чистая, неподдельная профессиональная радость людей, прикоснувшихся к настоящему чуду!

— Великолепная, ювелирная работа! Огромное спасибо всей дежурной бригаде! — искренне поблагодарил Каракулов уставших сотрудников, и его голос слегка дрогнул от нахлынувшего чувства облегчения. — Ну что, коллеги, я от всей души поздравляю нас всех! Только теперь, основываясь на этих неопровержимых объективных данных, мы имеем полное право официально констатировать: наша беспрецедентная операция увенчалась успехом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.